

Мастер Цзинцзун сказал, что через три дня, то есть 3 октября по солнечному календарю, выпадает удачный день, когда все звезды благоволят начинаниям и любые дела будут успешны.

Он взмахнул рукой и набросал несколько списков.

— Все подношения из этого перечня ты должен закупить лично, — сурово добавил он. — Запомнил?

— Да.

— Повтори.

Бай Циюй серьезно произнес:

— Все подношения из списка я закуплю сам.

Мастер Цзинцзун кивнул:

— Подготовь всё безупречно. Упустишь момент — придется ждать как минимум еще три месяца.

— ...О последствиях, надеюсь, напоминать не нужно?

Сердце Бай Циюя пропустило удар. Он склонил голову в еще более почтительном жесте:

— Я понимаю!

Мастер Цзинцзун жестом подозвал Ху Сяомэй и четверых дима в длинных халатах, которые неизвестно когда появились за дверью главного зала, чтобы дать им дальнейшие указания.

Ли Таогэ с любопытством заглянул в список и невольно воскликнул:

— Эти вещи...

Бай Циюй не сводил глаз с мастера Цзинцзуна.

Хотя внешне это была бодрая пожилая женщина, исходящую от нее ауру и природную властность невозможно было подделать.

С потолка свисали трехметровые алые полотна, а в центре, в трепетном свете лампадок, сияли священные письмена. От одного взгляда на эти иероглифы Бай Циюй ощутил нечто запредельное и мистическое.

Охваченный внезапным чувством, он невольно сложил руки в молитвенном жесте и отвесил поклон.

Мастер Цзинцзун, о чем-то задумавшись, взглянул на него, и его суровые глаза на мгновение смягчились.

— Затылок все еще сильно болит?

— А, да... — Бай Циюй опешил. Сосредоточившись на другом, он совсем забыл о едва уловимом жжении и не собирался упоминать об этом.

Мастер Цзинцзун поманил его к себе:

— Подойди.

Он выписал Бай Циюю рецепт.

— Вари на сильном огне до состояния кашицы и прикладывай к пораженному месту, — мастер Цзинцзун на удивление добавил еще одну деталь: — Запомни, нужно выварить до полного испарения жидкости. Процесс может быть болезненным, но ты должен вытерпеть.

— Слушаюсь, — с благодарностью ответил Бай Циюй. — Я запомнил.

— Хорошо, — мастер небрежно махнул рукой. — Иди готовься, здесь больше делать нечего. 3 октября, в час полночи, что бы ни случилось, ты должен быть здесь.

— Что? Значит, эти дни мне не нужно жить здесь?

— Не нужно. Эта тварь уже покинула Цзиндэ и направилась в сторону Лучжуна. Не бойся.

Лучжун?

Бай Циюй не удержался и спросил:

— В сторону горы Тайшань?

Мастер Цзинцзун немного подумал и покачал головой:

— Тайшань — величайшая из пяти священных гор, там находится обитель Бися Юаньцзюнь и наших Пяти врат бессмертных семейств, к тому же ее охраняет храм Городского божества. Туда она не сунется.

В зал вошла еще одна группа дима, принеся целую стойку с холодным блеском древних мечей, копий, множеством мелких кинжалов и огромными сосудами, назначение которых Бай Циюй не мог понять.

Хотя оружие, по всей видимости, было незаточенным, от одного его вида у Бай Циюя по спине пробежали мурашки.

Это было предупреждение, пропитанное злобой и жаждой убийства.

Заметив это, мастер Цзинцзун небрежно махнул рукой, давая понять, что Бай Циюй может идти.

Можно... уходить?

Бай Циюй многократно поблагодарил его и, сам не понимая, что чувствует, в каком-то оцепенении вышел из главного зала.

Он прошел через длинный коридор, покинул величественный вестибюль и вышел из поселка.

Только увидев оживленные, сияющие огнями улицы ночного Цзиндэ, Бай Циюй почувствовал, как у него подкашиваются ноги, и едва не опустился на землю.

Ли Таогэ испугался, подхватил его под руки и, увидев поблизости автобусную остановку, помог

ему сесть.

— Не бойся, больше не бойся... Через три дня ты будешь в полной безопасности.

Мимо проносились автобусы, их фары слепили глаза. На остановке смеялись студенты с чаем с молоком.

На рекламном экране за спиной улыбалась известная актриса; на другой стороне улицы уличный музыкант играл на эрху, и вокруг него собралась толпа, аплодирующая мастерству исполнителя.

Вдали высились корпуса Парка программного обеспечения, в окнах которых кое-где еще горел свет — люди работали сверхурочно.

Прохладный осенний ветер приносил звуки города, и всё это говорило Бай Циюю: ты в мире людей.

Ты вернулся.

Бай Циюй опустил голову, глядя на потертый тротуар, на эту землю, и сдавленно всхлипнул.

— Мы ведь победим, правда? Я смогу вернуться в прошлое, да?

Ли Таогэ крепко прижал его к себе и стиснул зубы:

— Обязательно. Верь моей бабушке, верь мастеру Цзинцзуну. И верь самому себе.

Они посидели на скамейке некоторое время. Даже Ли Таогэ, который лишь отчасти знал о происходящем, не мог не проникнуться серьезностью ситуации.

Мимо, тяжело ступая, прошла старушка, торгующая леденцами на палочке. Ли Таогэ подошел к ней, узнал цену и купил один.

Проводив старушку взглядом, он вернулся к Бай Циюю и протянул ему леденец.

— Спасибо... — Бай Циюй смущенно вытер слезы. — А ты не хочешь?

— Я не люблю такое, — мягко ответил Ли Таогэ. — Слишком кисло, только ты это обожаешь.

Бай Циюй сквозь слезы улыбнулся и осторожно откусил самый верхний леденец.

На самом деле аппетита у него не было, он проглотил кусочек через силу, но это проявление заботы Ли Таогэ показалось ему невероятно сладким.

— Я видел в списке, там в основном живой скот и куча громоздкой утвари...

— В супермаркете такое не купишь, придется ехать на сельскохозяйственный рынок и в строительные магазины, сейчас уже поздно... Иди отдохни, завтра с утра поедем.

— Хорошо.

— И еще... хотя мастер Цзинцзун сказал, что та тварь ушла в Лучжун, думаю, расслабляться нельзя. Оставайся сегодня у меня.

Бай Циюй повернулся к нему и, не задумываясь, отказался.

— Я побуду в отеле, — сказал он. — Как ты и сказал, расслабляться нельзя... я не хочу подвергать тебя опасности.

— Бай Циюй! — Ли Таогэ нахмурился. — Сейчас не время считать меня чужим...

— ...Что вы тут делаете?

Неожиданный вопрос прервал их разговор. Оба обернулись и встретились с настороженным взглядом Ци Жуна.

В этот момент каждый из них подумал об одном и том же: почему он здесь?

Ци Жун был в спортивном костюме, на лбу выступил пот — видимо, вышел на вечернюю пробежку.

Бай Циюй подсознательно окинул взглядом парковку, но не увидел там Астон Мартин.

Это вызвало у него подозрение: Ци Жун живет в загородной вилле в 14 километрах отсюда, вряд ли он приехал бы сюда на пробежку так поздно.

Словно почувствовав сомнения Бай Циюя, Ци Жун заговорил первым:

— Я только что был в больнице, — он указал на конец улицы. — Дядя внезапно попал туда.

В конце улицы, в разительном контрасте с обшарпанным поселком, возвышалась охраняемая, скрытая от глаз роскошная больница Тайкан.

Бай Циюй слышал от Лин Сяо, что это частный санаторий, открытый пару лет назад. Говорили, что врачи там — лучшие специалисты, переманенные из самых престижных клиник, и принимают они только богачей, а один только прием стоит несколько тысяч.

— А... — Бай Циюй что-то вспомнил. — Дядя... это тот самый, о котором ты говорил пару дней назад, с раком желудка? Мастер Ху?

— Да, он.

— Что сказали врачи?

— Состояние ухудшилось. После операции два года назад он лечился травами, и все думали, что рецидива не будет, но за последние два дня началось резкое ухудшение. Врачи велели готовиться к худшему.

Бай Циюй хотел утешить Ци Жуна, но на душе было так тяжело, что любые слова казались фальшивыми, и к горлу подступали собственные слезы.

В итоге он не смог выдавить из себя ничего, кроме дежурного соболезнования.

— Ничего, — Ци Жун в свою очередь попытался утешить его. — Ему восемьдесят пять, можно сказать, небо смиростивилось над ним.

— Да... — Бай Циюй поспешно сменил тему. — Кстати, как там старина Ма?

Ци Жун ответил, что врачи пока ничего не говорят, наблюдают.

— Сказали, скорее всего, это маниакальный психоз, как минимум неделю он не сможет выйти на работу.

Ци Жун потер виски, на его лице читалась усталость:

— Хорошо хоть архитектура программы почти готова... Кстати, какими делами вы сегодня занимались? Были так заняты, что даже на телефон не смотрели?

Бай Циюй открыл рот, вспоминая то лицо Ци Жуна в ту ночь у него дома, когда речь зашла о чумасянь; вспоминая видео с обезумевшим стариной Ма, которое разлетелось по рабочим чатам и соцсетям. Он будто облился ледяной водой и не смог ничего сказать.

Чувство недоверия со стороны знакомого человека было невыносимым, и он не рискнул бы ставить на кон хоть что-то.

Он покачал головой:

— Прости. Просто личные дела.

В тишине мимо с воем сирены и мигалками промчалась скорая помощь, сворачивая к больнице Тайкан.

Ци Жун вздохнул:

— Когда я приехал, все VIP-палаты были заняты. Видимо, межсезонье, старикам сейчас нелегко.

Он, казалось, не хотел продолжать эту тему и спросил Бай Циюя:

— Ты разобрался с делами по дому? 25-го числа следующего месяца в Шанхае пройдет игровая выставка GBX. Времени в обрез, нужно ускорить работу над первой демо-версией.

— Извини, — Бай Циюй поджал губы. — В выходные... я поработаю сверхурочно, не буду тормозить процесс.

Ли Таогэ добавил:

— Я тоже.

— Ладно. Я не к тому, что ты много берешь выходных... Если не разобрался, можешь снова приехать ко мне.

Ли Таогэ нахмурился:

— Спасибо за предложение, но вам не стоит беспокоиться, Сяо Бай проживет у меня.

— Не знал, что вы стали такими близкими.

Ци Жун легко скользнул взглядом по Ли Таогэ, а затем по Бай Циюю. Тот опустил глаза, не выражая никаких эмоций, словно соглашаясь с этим.

Даже Ци Жун, при всей своей медлительности, понял, что здесь он лишний.

Он смущенно опустил голову, закурил, и в сумерках замелькал огонек сигареты.

Вскоре подъехало такси, которое вызвал Ли Таогэ.

Ли Таогэ хотел было снова уговорить Бай Циюя поехать к нему, но тот уже открыл заднюю дверь и сел в машину. Ли Таогэ, почувствовав тепло на душе, поспешил следом.

Машина тронулась. Глядя в окно, Бай Циюй не удержался и посмотрел на Ци Жуну:

— Брат Ци, поторопи отдел кадров с поиском нового ведущего программиста... Симптомы старины Ма не пройдут за неделю.

Ци Жун остолбенел, хотел спросить, почему он так уверен, но слова застряли в горле.

Если бы кто-то другой в такой момент сказал нечто подобное — мрачное и безосновательное — это было бы раздражающе. Но Ци Жун знал, что Бай Циюй не из тех, кто прокликает коллег или сплетничает за спиной. Подсознание подсказывало ему, что Бай Циюй, возможно, прав.

Ци Жун сглотнул:

— Я подумаю об этом.

Бай Циюй едва заметно улыбнулся:

— Тогда мы поехали. Увидимся после праздников.

— Хорошо. До встречи.

Когда стекло поднялось и пейзаж начал отдаляться, Ли Таогэ спросил:

— Зачем ты ему сказал? Он вряд ли поверит.

— Не знаю, — ответил Бай Циюй с тоской. — Может быть... я просто не хочу снова что-то терять...

Ли Таогэ вздрогнул:

— Что терять?

Бай Циюй промолчал.

Он смотрел в пустое, лишенное звезд и луны ночное небо, вспоминая тот вечер в саду, когда под фонарем порхали ночные бабочки.

Он сидел в кресле-качалке, засыпая, а Ци Жун увлеченно рассказывал ему о Постороннем, о ночи, полной звезд и откровений.

Не хочется терять.

Он не знал, что даже когда такси скрылось на перекрестке, Ци Жун продолжал стоять на месте.

Ци Жун внезапно почувствовал острую боль в груди.

А следом нахлынула пустота — ощущение, что что-то навсегда исчезло.

В тот солнечный день он встретил Бай Циюя в холле и повел его к стеклянной лестнице, слушая, как тот говорит: Ци Жун? Похоже на имя главного героя, это от слова рыцарь?

Что он тогда ответил? Ах да, он хмыкнул и сказал: Твое тоже похоже.

Малыш с белыми зубами и красными губами улыбнулся: Не совсем, брат Ци похож на героя фэнтези, а я...

На героиню?

Малыш рассмеялся: Не настолько же...

А в другой неоновый вечер он смотрел, как Бай Циюй растворяется в ночи, словно год их общения сжался в один яркий, ускользающий сон.

Он знал, что это была последняя встреча Ци Жуна с Бай Циюем.

Когда сон разрушится, он выберется из черного тумана, а память о Бай Циюе останется лишь смутной тенью.

— Бай Циюй... а, точно... Бай Циюй в последнее время часто опаздывает, вечно просится в отпуск, такое отношение к работе никуда не годится.

Ци Жун раздраженно закурил: Как я мог терпеть это так долго? Вернутся с праздников — надо будет серьезно поговорить, если не исправится — придется уволить...

—

Город Цзоучэн.

Глубокая ночь. В старом жилом доме в окне четвертого этажа все еще горел свет.

В полумраке гостиной единственным источником света был телевизор, чей холодный мерцающий свет падал на лицо человека, сидевшего на диване.

Мужчина не сводил глаз с экрана, но выглядел встревоженным и раздраженным, словно ждал чего-то.

Когда телеведущая начала рассказывать новости, он резко вскочил.

— ...В жилом комплексе Ханьтиншань в 18:00 произошел пожар, потушен к 21:00. Благодаря своевременному прибытию пожарных лесного пожара удалось избежать. Двое погибших, двое легко ранены... По предварительным данным, причиной стало неправильное обращение с уличным грилем...

На экране мелькнули фото погибших — парень и девушка.

Мужчина не знал этих людей, но это не мешало его хорошему настроению.

Он разразился довольным смехом:

— Отлично, просто отлично! Ха-ха-ха! Око за око!

Словно в ответ на этот тайный триумф, из глубины квартиры донесся лай — одна собака, десять, сотни...

Через долгое время он выключил телевизор, накинул капюшон, взял стоящую у двери ржавую бейсбольную битку и вышел.

Снаружи его уже ждала женщина.

Она была довольно яркой, но черты ее лица выглядели неестественно — следы пластических операций были слишком заметны. Даже самый невнимательный человек мог сказать, что это работа дешевого подпольного мастера.

— Тот способ не сработал, — прямо сказала она.

— О, разве это не повод для праздника? — он усмехнулся. — Кто не делает зла, того призраки не беспокоят.

— Я не это имела в виду... — женщина замялась. — Не понимаю, почему ты так спокоен и так уверен, что мы в безопасности... Это заразительно, мы как никто другой знаем это...

— Слишком много болтаешь, — перебил он. — Что ты сегодня такая занудная? Зачем это говоришь?

Женщина прикусила губу и замолчала.

Видимо, из-за хорошего настроения он решил продолжить:

— Нам нет смысла об этом думать. Никакого смысла. Но раз мы сейчас в безопасности, значит, мы всё делаем правильно. Разве этого недостаточно?

— Что до этой штуки... ты должна верить, что она действительно переступила через свои инстинкты, чтобы полюбить. Их репродуктивная изоляция куда сильнее, чем у нас и амёб, но любовь все-таки возникла. Разве это не гарантия?

Женщина скептически скривила губы:

— Теперь ты стал великим мудрецом? А почему тогда в свое время так бунтовал?

Мужчина замолчал.

Через долгое время женщина снова спросила:

— Хватит болтать, ты достал новые имена?

Он покачал головой:

— Ты же знаешь, меня это не волнует.

Женщина хотела что-то добавить, но махнула рукой.

— Ладно, ладно... Нет так нет. Пока Он не будет удовлетворен, сколько ни старайся — всё бесполезно.

Она потерла нос, почувствовав резкую боль, и прыснула на него спреем. Запах лекарства

заполнил грязный подъезд.

Мужчина на удивление проявил заботу:

— Ты сама накликала на себя эти мучения. Все знают, что это бесполезно, сходи завтра к кому-нибудь, пусть исправят.

— С этим мне спокойнее.

— Как хочешь, — мужчина закатил глаза. — Проверю в последний раз: ты уверена, что они есть, да? Срок подходит, Он торопит все сильнее...

— Да.

Они вместе спустились вниз.

В подъезде одна за другой бесшумно захлопнулись двери.

Снаружи царила крошечная тьма, но для них и день, и ночь были одинаковы.

Они давно утратили право ходить под солнцем.

Мужчина взломал припаркованную у дороги машину и выехал на эстакаду.

Облака клубились в горных ущельях, словно чья-то рука играла судьбами людей.

Они ехали семь часов, сменяя друг друга, и добрались до зоны отдыха в другом городе.

Уже рассвело. Мужчину раздражал местный диалект, в машине было душно, но он не снимал ни солнечные очки, ни маску.

Выкурив пару сигарет в туалете и переведя дух, он вышел помыть руки и увидел грязного нищего, сидевшего у автомата с кипятком.

Нищий был безумен, ползал перед людьми и бессвязно предлагал какой-то товар. Его наверняка часто прогоняли, но сотрудники зоны отдыха ничего не могли с ним поделать.

Он достал две стоюаневые купюры и подошел к нищему.

— Спрошу тебя кое о чем: ты не слышал о мастере из ваших краев?

— Мастере?

— Мастере, который точно предсказывает судьбу, — он улыбнулся и протянул визитку. — Вот, этот. Мы не можем с ним связаться, не знаешь, где он живет?

Нищий был очень насторожен. Может, он знал, а может, и нет, но, взяв деньги, лишь пробормотал, что у него есть очень знающий друг, и велел найти его.

Когда мужчина и женщина скрылись из виду, нищий был весь в холодном поту. Мимо прошла молодая женщина, брезгливо зажав нос, и только тогда он понял, что непроизвольно справил нужду.

...Он только что избежал смерти.

...От этих двоих, нет, от этих... неизвестно кого, исходила такая аура, что даже его, убийцу, пробирала дрожь...

—

В ту ночь Бай Циюю приснился странный сон.

Он был главным героем пышного пира.

В саду стоял огромный жертвенник, на эшафот взошел восемьдесят один крепкий воин. Это были самые храбрые солдаты кампании, теперь их тела были натерты серой и благовониями, они стали жертвами, и это было их высшей честью.

Под эшафотом лежали сотни голов скота, тысячи кур и уток, горы фруктов и хлеба.

Пылали гигантские костры, жрец выкрикивал хриплые заклинания, кровь животных извивалась по желобам жертвенника, образуя причудливые священные знаки.

— %&Владыка наш... @*... Бог наш... Повелитель земли, океанов и космоса!

Языки пламени вздымались в небо, аромат благовоний окутывал каждый континент и береговую линию.

В роскошном дворце король принимал корону, аристократы танцевали, слуги и шуты сновали между блюдами и нарядами.

Они говорили на древнеевропейском языке, многие звуки которого Бай Циюй, получивший современное образование, не понимал.

В углу, где присутствие кого-то могущественного ощущалось особенно сильно, среди густого египетского благовония, Бай Циюй и Чжан Ихэ пили шампанское бокал за бокалом.

В этом уединенном уголке Бай Циюй, захмелевший, сидел верхом на коленях высокого мужчины, позволяя ему обнимать себя за талию.

Красные бархатные занавеси скрывали их от шума и взглядов.

Янтарное вино стекало по стеклу, по горлу, и в их глазах плескалась любовь.

— Зачем ты снова пришел ко мне?

— ...

— Забей, я тебя не понимаю, — икнул он. — Ты вечно такой высокомерный... Мне это не нравится.

Чжан Ихэ промолчал, его глаза, тоже затуманенные алкоголем, лениво прищурились, наслаждаясь редкой покорностью и привязанностью.

Бай Циюй, запинаясь, наговорил еще много всякой всячины, видно было, что он пьян в стельку.

— Если ты когда-нибудь умрешь, я обязательно пробегу вокруг Европы десять кругов... нет,

забей, одного хватит... бегать слишком утомительно. Я ведь не ты.

Мужчина ответил с беспомощной нежностью:

— Хорошо.

Бай Циюй, кажется, был слишком пьян, его тело обмякло, и Чжан Ихэ осторожно придержал его, чтобы он не упал.

— ...Впрочем, если я умру, ты ведь не будешь грустить... поэтому я обязательно постараюсь убить тебя до того, как умру сам...

— Убить тебя...

Чжан Ихэ не ответил на эти бессвязные, полные злобы и отвращения слова.

Выпив последний бокал розового шампанского, Бай Циюй окончательно обмяк.

Он всей тяжестью упал на сильные плечи Чжан Ихэ, а тот бережно опустил его, укладывая поудобнее на свои колени.

Сотнями тонких щупалец он начал нежно расчесывать его мягкие, вьющиеся, как лоза, волосы.

— Никакой я не высокомерный, — сказал он. — Мы равны.

Бай Циюй хихикнул, слегка склонив голову, и бессмысленно помахал рукой перед глазами Чжан Ихэ.

— Иди ты... к черту. Ты... я принадлежу тебе, а ты мне — нет. Что за несправедливость?

Чжан Ихэ, на удивление терпеливо, перехватил его блуждающую руку и, слегка надавив, уложил ее к себе на колени, чтобы она не упала.

— Ты пьян, — мягко сказал он. — Спи.

— Ты еще не сказал, почему... почему ты тогда пришел ко мне? Они говорят, ты обманул меня. Я тоже так думаю. Но я всегда справедлив и добр... я даю тебе шанс оправдаться...

— Я никогда не обманывал тебя.

— Правда?

— Я никогда не лгу. Спи, милый...

Но Бай Циюй во сне не был послушным.

Он приподнялся с колен мужчины, огляделся и, пошатываясь, схватил со стола тарелку.

Затем, обмакнув палец в густой алый соус, он лихо расписался на груди Чжан Ихэ.

А на левой стороне груди нарисовал сердце.

— Готово, — он невинно прищурился и улыбнулся. — Теперь ты принадлежишь %□&...

Бай Циюй изо всех сил старался разглядеть имя, которое он начертал во сне, но...

Как бы он ни старался, разобрать было невозможно.

Этот сон не был страшным, но был таким странным и вызывал такую тошноту, что Бай Циюй, проснувшись от какофонии сопрано, почувствовал, как к горлу подкатывает желчь.

— Сяо Бай, Сяо Бай!

— !

Бай Циюй резко открыл глаза. В слезах, пропитанных невыразимой печалью и ненавистью из сна, отражалось знакомое лицо Ли Таогэ.

— Приснилось что-то? Выпей горячей воды.

— Хорошо...

Лишь выпив целый стакан горячей воды, Бай Циюй смог успокоиться.

Ли Таогэ прибежал из соседней комнаты впопыхах, его пижама была помята. В залитой светом спальне Бай Циюй отчетливо видел узор на ткани — это была коллаборация со Слизеринном, где S-образная змея была вышита довольно мило, задорно высунув язык.

Никто и не подозревал, что у этого дерзкого красавца-арт-директора есть мечта стать волшебником.

— Я снова видел во сне эту дрянь... Мы...

Ощущение неги из сна еще не до конца рассеялось, переполняя сознание Бай Циюя смутной, не поддающейся описанию тоской.

— Это определенно дурной знак...

— Да ерунда всё это, — перебил его Ли Таогэ, не давая ему погрузиться в раздумья. — Я тебе так скажу: что днем на уме, то ночью во сне, а всякие теории Фрейда про сновидения — полная чушь. Перестань накручивать себя и портить себе настроение.

Видя, что Бай Циюй криво усмехнулся, Ли Таогэ принялся убеждать его всерьез:

— Думай сейчас только о хорошем. Представь, какую игру ты сделаешь, когда тебя повысят до ведущего геймдизайнера... Кстати, ты ведь наверняка возьмешься за текстовый квест, верно? Не хочешь говорить о работе? Тогда представь, куда мы отправимся на новогодние каникулы. Как насчет Мальдив? Я видел фотографии соседнего отдела с прошлого года — ох, этот цвет морской волны, такой насыщенный, словно офотошопленный.

Бай Циюй рассмеялся, поддавшись его настроению:

— Ты же ведущий арт-директор, а для описания синего цвета нашел только сравнение с фотошопом?

Ли Таогэ нагло ухмыльнулся:

— У меня с литературой туго, зато у тебя с этим всё отлично. Послушай, я серьезно. Давай махнем на Мальдивы? Снимем домик на воде, такой, со своей горкой. Проснешься поздно, нацепишь надувной круг и сразу в воду, а потом лежишь на волнах и спишь дальше. Никаких забот, никакой мирской суеты.

Они еще немного посмеялись, и Бай Циюй совершенно забыл о своем кошмаре. Потирая ноющие суставы — вероятно, затекшие от неудобной позы во сне, — он пожелал Ли Таогэ спокойной ночи.

— Спи давай, завтра рано вставать. На всякий случай я поставил будильник на три сорок утра. Если не проснешься, не вини меня, если я буду тебя поднимать силой.

— Слушаюсь, — Ли Таогэ с хулиганской улыбкой ущипнул Бай Циюя за щеку — она была мягкой и чуть прохладной.

Прежде чем тот успел среагировать и ударить его, он вызывающе свистнул и скрылся с места преступления:

— Спокойной ночи, маленькая принцесса Бай.

— Ты! Сволочь, а ну вернись!

<http://bllate.org/book/18696/1807004>